Опубликовано
Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 66–79.

Базанов М.А.

Большой террор в провинциальном вузе: случай директора Челябинского педагогического института И. К. Зеленского

Сталинские репрессии 1930-х гг. – тема, на настоящий момент успевшая «обзавестись» весьма обширной историографией [См. напр.: Степанов:2008; Степанов:2009; Минц:2011а; Минц:2011б и др.]. Однако, несмотря на то, что основной массив источников был в целом исследователями проработан, историки восстановили центральные события этого процесса и наметили его основные вехи, по прежнему к категории дискуссионных относятся вопросы, связанные с причинами и предпосылками этого явления, самим механизмом развертывания террора.

Автор данной статьи принадлежит к числу тех историков, кто для разрешения этих проблем считает необходимым обратиться к микроистории, изучению отдельных казусов. Основным достоинством такого подхода является внимательное и педантичное рассмотрение всех факторов, воздействующих на то или иное событие, что немаловажно для уяснения механизма репрессий [Зелдин:1993]. Микроистория позволяет сформулировать гипотезы, в дальнейшем верифицируемые на основе более широкого источникового материалах [Коньков:2009].

Полагаем, биография второго директора Челябинского педагогического института Ивана Кондратьевича Зеленского оптимально подходит в качестве объекта подобного исследования. Провинциальный интеллектуал, он не входил в число научной элиты страны, не имел печатных трудов и не оставил о себе какой-либо значимой памяти как об ученом. Таковой и была основная масса советской интеллигенции, как правило, выпадающая (именно в силе своей «заурядности») из поля зрения историков. Увы, не оставил он после себя и каких-либо записей личного характера – дневников, писем, воспоминаний, – того, что в отечественной историографической традиции принято относить к источникам личного происхождения. Однако «голос» этого человека присутствует в делопроизводственной документации, которая и позволяет восстановить, пусть и не полностью, финальный отрезок его жизненного пути[1].

Наши предшественники, писавшие о судьбе И.К. Зеленского [См.: Челябинский государственный педагогический университет; Худобородов:2003; Худобородов:2004; Худобородов:2015 и др], в качестве основного источника избрали материалы судебного дела, в результате чего осталось без должного освещения предшествовавшее аресту длительное преследование. С учетом же особенностей советского судопроизводства в

[1] Отметим, что в зарубежной историографии, в которой для обозначения личных свидетельств принят термин «эго-документ», уже предпринимались попытки его расширительного толкования, в том числе предлагалось включить в их число «те тексты, которые писались по требованию административных, судебных или финансовых органов (например, прошения или протоколы допросов), если только в них, как он (В. Шульце – М.Б.) говорил, можно “услышать” голос человека, рассказывающего о себе» [Зарецкий:2013, С. 27]. Соглашаясь с критическими замечаниями, высказанными в адрес данной идеи (равно как и со скепсисом относясь к некритическому, механическому переносу нового термина в российскую историографию – полагаем, речь следовало бы вести не столько об эго-документах, сколько об эго-подходе к источникам), мы в целом считаем ее творчески плодотворной.

1930-е гг. к данным материалам необходимо относиться с изрядной долей скепсиса, истинные причины ареста того или иного лица следует искать в документах, созданных до этого момента. Основным источником нашего исследования является хорошо сохранившаяся (пропуски в ней отсутствуют) протокольная документация первичной партийной организации вуза.

И.К. Зеленский, как и значительная часть первых преподавателей ЧГПИ, был приезжим. Родился он в 1903 г. в г. Фергана в семье высланного туда еще до революции русского рабочего-литейщика. В 1920 г. он окончил школу II ступени, после чего с головой ушел в профсоюзную и комсомольскую деятельность. В 1927 г. завершил обучение Средне-Азиатский коммунистический университет в г. Ташкенте. Диплом о высшем образовании, хорошие анкетные данные и явственно обозначившаяся нехватка кадров позволили ему вскоре занять должность ректора Бухарского рабочего университета, затем – заместителя директора Узбекской государственной педагогической академии. В 1931-1933 гг. его откомандировали в Москву в Институт красной профессуры на историческое отделение. Увы, обучение пришлось прервать. По словам самого И.К. Зеленского, он «перегрузил себя работой над книгой (диссертацией – М.Б.), при неудовлетворительном материальном обеспечении…, поэтому подорвал свое здоровье и заболел туберкулезом легких»[2]. Он вновь возвращается к работе, на этот раз в Крымском педагогическом институте. В 1935 г. его вновь командируют в ИКП для получения столь необходимого для руководящего работника диплома. Однако там И.К. Зеленскому предложили вновь поступать на 1 курс. Наличие большой семьи (на тот момент на его содержании находились жена, двое детей и теща) вынудили вновь отказаться от представившейся возможности. «Стремясь получить возможность для работы над диссертацией для получения научного звания», он «решил перейти на руководящую должность в Пединституте»[3]. Поэтому И.К. Зеленский с легкостью согласился отправиться в Челябинск, где и приступил с октября 1935 г. к обязанностям директора[4].

Челябинский пединститут, будучи молодым провинциальным вузом, на тот момент представлял не самое приятное зрелище. У нового института не было даже собственного здания (именно его строительством в первую очередь и озаботился И.К. Зеленский). Вуз занимал всего несколько этажей рядом с Институтом механизации. Другая проблема – отсутствие квартир у преподавателей, значительная часть которых была направлена по распределению Наркомпросса из других городов. Отсюда – текучесть кадров и совместительство. Строительство нового здания постоянно затягивалось, а просьбы о выделении квартир игнорировались местной властью, что неблагоприятно влияло на атмосферу внутри коллектива. Конечно же, ответственность при этом рядовыми преподавателями возлагалась на директора.

Полагаем, что историю травли И.К. Зеленского можно начать с появления в газете «Челябинский рабочий», органе Челябинского облисполкома и горкома ВКП(б), небольшой заметки некого Н. Петровского «Невежда на кафедре»[5]. Мишенью ее стал преподаватель Черников, фактически уличаемый в автором в незнании основ марксизма-ленинизма. Впрочем, собственно политических обвинений в ней не прозвучало, а поведение Черникова квалифицировалось лишь как образец непрофессионализма. Образованная парторганизацией комиссия после опроса студентов и просмотра их конспектов лекций пришла к выводу, что «никаких извращений тов. Черниковым сделано не было», однако преподавателю было поставлено на вид, что он «пошел на урок

---

[2] Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-288 «Челябинский областной комитет КПСС». Оп. 67. Д. 2025. Л. 7об.

[3] Там же. Л. 8.

[4] Личное партийное дело И.К. Зеленского см.: Там же. Л. 1-26.

[5] Петровский Н. Невежда на кафедре // Челябинский рабочий. 1936. 6 января. С. 3.

неподготовленным», то есть «без конспекта»[6]. Трудно сказать, был ли этот выпад в газете случайным и какие цели он преследовал. Но, несмотря на свои незначительные последствия, это был первый пример давления на пединститут, а, значит, и на И.К. Зеленского, со стороны данного печатного издания.

По всей видимости, именно в январе-марте 1936 г. оформляется группа, целью своей деятельности поставившая смещение директора. Много позднее, в очередной раз отвечая на обвинения в зажиме самокритики, И.К. Зеленский заявил: «… Бурмистенко, Ибшман, Новак, поприсвоили себе профессорские звания и хотели получать по профессорским ставкам, когда я дал отпор рваческим тенденциям, они задались целью меня сместить, они собирались, договаривались, как вести себя на собраниях, кого выбирать председателем, какие вносить предложения… Когда же они перессорились, ко мне пришел Новак и рассказал, чем они занимались»[7]. Трудно сказать, насколько соответствует реальности заявленные мотивы конфликта, но главного своего противника он обозначил точно.

Иван Александрович Бурмистенко – представитель того же поколения, что и И.К. Зеленский. Он родился в 1905 г. в семье крестьянина, принявшего активное участие в события первой русской революции. За это его отец был выслан за пределы своей губернии и семья успела неоднократно сменить место жительства. Став в 1917 г. членом партии, он поступил на работу в органы ЧК. По тому же пути последовал и старший брат И.А. Бурмистенко. В 1920-е гг. И.А. Бурмистенко работал в учебных заведениях Саранска и Пензы, с 1930 г. был отправлен в Москву, где читал лекции по диамату и истории философии в ряде вузов, в том числе и Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В отличие от И.К. Зеленского он окончил аспирантуру МИФЛИ, однако диссертацию (тема была им в автобиографии обозначена как «Философия Фейербаха») так и не защитил. После окончания аспирантуры его направили в Челябинск. Помимо пединститута работал еще в нескольких местах, в том числе и в областном истпарте[8].

1 апреля 1936 г. в «Челябинском рабочем» появляется заметка «Дарвин… это о видах!», в весьма ярких тонах живописавшая культурный уровень студентов пединститута – здесь и ходьба в грязных калошах по учебным аудиториям, и «неопрятные, с жирными пятнами, без полей» тетради, которые «никем не проверяются», и низкий уровень грамотности, и полное отсутствие интереса к художественной литературе, и отсутствие внятных ответов на простейшие вопросы из учебной программы[9]. Увы, но эта статья фактически была оставлена в ЧГПИ без внимания. 21 апреля газета вновь возвращается к этой теме, публикуя на своих страницах заметку студента-историка В. Данилова, уже открыто обвинявшая руководство института в невнимании к «сигналам» местной печати и бездействии. Прозвучали фамилии И.К. Зеленского и декана исторического факультета И.В. Новака - как лиц, не желающих реагировать на озвученную критику и предпринимать какие-либо действия для исправления положения[10]. Характерно, что критические замечания в ней касаются уже преподавателей, которые читают лекции «путано и нудно», обладают «низкой квалификацией», а сам И.К. Зеленский якобы попросту пересказывает на них «Историю государства Российского».

---

[6] ОГАЧО. Ф. П-208. «Первичная организация КПСС Челябинского государственного педагогического института». Оп. 1. Д. 2. Л. 4. Здесь и далее авторская орфография и пунктуация при цитировании источников сохраняются.

[7] Там же. Л. 67.

[8] Личное партийное дело И.А. Бурмистенко см.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 861. Л. 1-8.

[9] Байдер В., Уланова О., Бологин А. Дарвин… это о видах! // Челябинский рабочий. 1936. 1 апреля. С. 3.

[10] Данилов В. Сигналы из пединститута // Челябинский рабочий. 1936. 21 апреля. С. 3.

Оставить эту заметку без внимания было уже невозможно. В тот же день состоялось заседание парткома, на котором со своими докладами о состоянии педагогической работы института выступил И.К. Зеленский и парторг Давыдов[11]. В узких рамках статьи мы не станем конкретизировать их содержание, отметим лишь одино: несмотря на критику положений статьи В. Данилова, ряд уточнений, оба они признали, что состояние дел в пединституте далеко от идеала. Однако оба докладчика упрекнули автора в сгущении красок и подчеркнули, что отмеченные им недостатки во многом порождены объективными, не зависящими от их воли обстоятельствами (что действительно соответствовало реальности)[12].

Именно на этом собрании и прозвучал первый выпад И.А. Бурмистенко в адрес И.К. Зеленского. Начав свою речь с критики Давыдова, он вскоре заявил: «Спаянности в нашем коллективе нет, но это объясняется тем, что не было обеспеченно руководство. Т. Зеленский не спаял вокруг себя коллектив». В том же выступлении нашел свое отражение и конфликт вокруг присвоения ученых званий: «Относительно того, что для получения ученых званий необходимо представление трудов я не знал иначе я бы мог их представить, а тов. Зеленский этим вопросом не занялся» [13]. Фактически все остальные выступавшие в той или иной степени поддержали критику И.К. Зеленского. В итоге собрание признало заметку в «Челябинском рабочем» «в целом правильной», а директору поставило на вид то, что он «не занимался сплачиванием преподавательского состава, не занимался их ростом, не создавал стимул для коллективной работы по воспитанию студенчества»[14]. С этого момента критика работы руководства института и конкретно директора будет присутствовать практически на каждом последующем собрании.

Оставшись недовольным принятой резолюцией, а, главное, опасаясь возможных политически трактовок обвинения в чтении «Истории государства Российского», И.К. Зеленский собрал заседание кафедры, на которое пригласил студентов-историков. На нем присутствовала и секретарь парткома Потапова, что, казалось бы, означало отсутствие претензий к его действиям со стороны парторганизации. После проверки конспектов обвинение В. Данилова оказалось опровергнуто. На этом казус мог бы быть считаться исчерпанным. Однако И.А. Бурмистенко подал в парторганизацию заявление о «зажиме самокритики». 17 мая 1936 г., на заседании парткома с докладом о «неправильном поведении» директора и декана истфака И.В. Новака (поддержавшего инициативу своего начальника) выступила… Потапова. Поведение обоих было квалифицировано ею именно как «зажим самокритики», а студент В. Данилов изображался в качестве жертвы такового. Партком с ней согласился[15].

Практически одновременно с этим происходит еще одно событие, которое кардинально изменит характер конфликта, придав ему характер идеологического противостояния. Вскоре после злополучного заседания кафедры, 4 мая 1936 г. на одном из своих занятий И.В. Новак в присутствии студентов произносит фразу, в дальнейшем в протоколах партийных собраний воспроизводимую следующим образом: «Сталин не является абсолютной истиной по национальному вопросу»[16]. Сведения об этом доходят до И.А. Бурмистенко, который вынуждает его повторить это заявление в присутствии других преподавателей, причем два раза – 5 и 7 мая. Бдительные товарищи немедленно обратились в горком партии и комсомола. 7 мая «наверху» было решено организовать обсуждение, которое не состоялось, так как его предполагаемые участники не смогли «подготовиться» к возможной дискуссии. По всей видимости, горком не желал

---

[11] Нам, к сожалению, не удалось восстановить даже инициалов этого лица.
[12] См.: ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 16-19.
[13] Там же. Л. 19об.
[14] Там же. Л. 23об.
[15] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 3-5.
[16] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

погружаться в сложные теоретические споры, тем более, что И.В. Новак нашел некое высказывание Ф. Энгельса, «работавшее» в его пользу. Ввязываться в это негласное противостояние двух «классиков» никто не желал[17].

Эта история могла бы остаться без последствий, если бы не нашлось лица, настроенного использовать ее в своих интересах. На уже упоминавшемся выше партийном собрании 17 мая И.А. Бурмистенко сделал официальное заявление о произошедшем. Однако партсобрание было настроено не столь агрессивно и ограничилось выговором. Самого И.В. Новака после публичного покаяния и заявления о «расстройстве нервов» было решено отправить на лечение[18]. Однако и на этом случай исчерпан не был. Вмешался Кировский райком ВКП(б), получивший из г. Магнитогорска (по спецзапросу, причем остается лишь гадать, кто решил навести эту справку) информацию о том, ранее И.В. Новак за ряд своих неосторожных высказываний, связанных с убийством С.М. Кирова и самоубийством В.И. Ломинадзе, уже получал партвыговор. Впоследствии он был отменен «с указанием на невыдержанность и горячность Новака»[19]. Узнав об этом, декан официально обратился за помощью к И.К. Зеленскому, обвиняя И.А. Бурмистенко в организации травли, неофициально же он попросту пригрозил в случае отказа покончить жизнь самоубийством[20]. 21 мая И.К. Зеленский оказался единственным членом парткома, который предложил ограничить наказание излишне болтливого коллеги строгим выговором с предупреждением. Партийная организации вынесла иной вердикт – исключение из рядов ВКП(б)[21].

«Казус Новака» станет лишь первым в длинной череде последовавших вслед за ним. За первым деканом исторического факультета последует его преемник – «троцкист» Д.Е. Хайтун и «неразоружившийся педолог» В.М. Нефедов. И во всех этих случаях И.К. Зеленский приложил все свои усилия к тому, чтобы хотя бы смягчить наносимый по ним удар, а, главное, задержать их на своем рабочем месте. Так, в фонде Челябинского обкома сохранилось заявление преподавателя И.В. Новака об очередной травле, организованной против него И.А. Бурмистенко руками студентов. Заявление это датировано 26 июня 1936 г., то есть свыше месяца после своего отчисления из партии этот человек продолжал оставаться сотрудником вуза[22]. Когда назревало очередное шельмование коллег, И.К. Зеленский призывал к тщательному и объективному разбирательству, котрое предполагало и возможность оправдания обвиняемого в различных «грехах». Когда возможности для оправдания уже были исчерпаны, он пытался найти некие объективные обстоятельства, оправдывающие невозможность увольненгия (чаще всего директор ссылался на недостаток кадров). За это его будут вновь и вновь обвинять в зажиме самокритики и пособничестве «врагам народа».

Что двигало этим человеком? Отсутствие источников личного происхождения не позволяет дать сколь-либо определенного ответа на этот вопрос. Таковая линия поведения вполне объяснима, если исходить из чисто прагматических соображений о необходимости сохранить немногочисленный преподавательский состав (особенно наиболее квалифицированную его часть, к которой явно относились Д.Е. Хайтун и В.М. Нефедов) и противодействовать возможной потере репутации вуза (по которой могли ударить очередные разоблачения). Наименее вероятным из возможных выглядит предположение о скрытой оппозиционности И.К. Зеленского по отношению к сталинскому режиму – источники ничего не говорят о его политических пристрастиях. Наконец, не следует сбрасывать со счетов возможное влияние на поведение директора его

---

[17] Там же. Л. 31-35.
[18] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 6-7.
[19] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.
[20] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.
[21] Там же. Л. 30-35; ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 8-10.
[22] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 659. Л. 19-20.

личных отношений с членами преподавательского коллектива. Его действия могут интерпретироваться и как проявление здорового чувства солидарности с оказавшимися в беде коллегами, и как стремление к покровительству, патронажу над небольшой группой тех, кто мог быть ему полезен. Однако сколь бы ни были «приземлены» мотивы поведения директора ЧГПИ, его стремление защитить коллег не может не рассматриваться как поступок альтруистичный, потребовавший от него рисковать своим общественным положением и жизнью, а потому глубоко гуманный в своей основе.

Политические репрессии коснулись не только преподавателей, но и студентов вуза. Надо сказать, молодые люди вообще отличались как недисциплинированностью (в буквальном смысле этого слова – пьянство и драки в их среде были явлением обыденным), так и вольномыслием. В общежитии часто распевались песни сомнительного содержания[23], там же на стенах и в туалетах появлялись лозунги «контрреволюционного содержания»[24]. Летом 1936 г. НКВД была задержана группа студентов, обвинявшихся в «восхвалении Гитлера». Вместе с ними под подозрение попал некий Семенов, которому было дано задание «выявить группу», однако он фактически отказался от роли доносчика. Прославился своими вольнолюбивыми высказываниями студент Ставский. 14 августа 1936 г. «Челябинский рабочий» публикует заметку «Политическая близорукость», в которой требует немедленно «проработать» Семенова и Ставского[25]. И.К. Зеленский вновь пытается смягчить удар. «Фашистов» он вплоть до их ареста НКВД именует просто «уголовниками», а после ареста не торопится с исключением, якобы планируя сделать это «после проработок на собрании, после каникул, чтоб использовать это дело в воспитательных целях»[26]. Семенов получил отрицательную партхарактеристику – сведения о его отчислении в протоколах партогранизации не зафиксированы[27]. Отсутствуют в них и упоминания о «проработке» «фашистов». Ставский же оказался не только оставлен в вузе, но и был в конце учебного года включен в список премируемых по личному распоряжению директора, именовавшего его «самой светлой головой в Институте»[28].

Резкое наращивание политических обвинений отнюдь не означало исчезновения другой, материально-бытовой линии критики. Директору продолжали ставить в вину задержки в строительстве нового здания, слабое материальное обеспечение общежития и вуза, фактический провал в работе заочного отделения, невнимание к процедуре набора учащихся, отсутствие должной заботы о материальном положении студентов, и, что, пожалуй, более всего волновало сотрудников ЧГПИ – отсутствие квартир для преподавателей[29]. Все это так или иначе опиралось на реальные факты, имевшие место, за часть из которых И.К. Зеленский действительно нес ответственность (так, например, он явно не уделил должного внимания набору студентов на 1936/37 учебный год). Противники директора, конечно же, стремились сделать его персонально ответственным за все срывы и недостатки в работе провинциального учебного заведения.

Характерно, что в условиях 1930-х гг. эти линии критики не были жестко обособлены друг от друга. Так дисциплина студентов и уровень их культурного кругозора напрямую связывался с их политической благонадежностью, а уровень квалификации преподавателей – с их ошибками идеолгического характера. В конечном же счете все

---

[23] Там же. Л. 59.

[24] Там же. Л. 82.

[25] Львов С. Политическая близорукость // Челябинский рабочий. 1936. 14 августа. С. 3.

[26] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

[27] Там же. Л. 54.

[28] Там же. Л. 75.

[29] См., напр.: ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 40-42, 46, 50-51, 57-62, 70; ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 35; ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-2 и др.

выдвинутые против директора обвинения сливались в одно единое определение – «зажим самокритики», под которым понималось нежелание реагировать на замечания со стороны и исправить отмечаемые «недостатки», пытался оправдать себя.

В рамках данной статьи мы не можем детально описать весь конфликт, развернувшийся вокруг И.К. Зеленского. Попытаемся обозначить лишь основные его вехи, опуская большую часть прозвучавших на собраниях высказываний и обвинений.

26 мая 1936 г. на заседании парткома был зачитан доклад комиссии по проверке заявления некоего Кунгурцева[30] о зажиме самокритики в ЧГПИ. Конечно же, ее выводы были не в пользу директора[31]. В ответ прозвучало эмоциональный и попросту самоубийственный выпад И.К. Зеленского: «Потапова дискредетирует (так в документе – М.Б.) меня, нарочно ставит вопросы я сниму ее как Секретаря парткома». На вполне логичное замечание о том, что подобные действия вне его полномочий, разъяренный директор заявил: «Имею (право – М.Б.), сниму как пом[ощника] директора»[32].

Через три дня, 29 мая 1936 г., вопрос о ситуации в ЧГПИ был поставлен на заседании бюро Челябинского горкома ВКП(б). Конечно же, весь собранный «компромат» был уже заботливо донесен до вышестоящих инстанций. Однако произошло то, на что вряд ли рассчитывали противники И.К. Зеленского: горком квалифицировал происходящее в вузе как «беспринципную склоку» и постановил «указать директору Института тов. Зеленскому, ответственным работникам Института тт. Давыдову, Ибшману, Бурмистенко, что созданная ими склока дезорганизует работу Института, что они пошли по неправильному, непартийному пути для ликвидации недостатков Института». Горком просто встал над схваткой. И.К. Зеленскому попеняли за его «антипартийное» поведение, но и Потаповой было рекомендовано заняться «укрепление единоначалия» и «поднятием (так в документе – М.Б.) авторитета директора тов. Зеленского»[33].

Половинчатость, неопределенность решения, вынесенного горкомом, хотя и не отвечало намерениям противников И.К. Зеленского, все же давало им определенное пространство для маневров. В начале июня 1936 г. на стол заведующего отделом школ, науки, научно-технических изобретений и открытий (далее мы будем именовать его в соответствии с повседневной лексикой того времени отделом школ и науки) Челябинского обкома ВКП(б) А.А. Маегова легли две докладные записки о состоянии дел в ЧГПИ[34]. 15 июня на заседании парткома вуза, а затем 16 июня на общем собрании парторганизации прошло официальное обсуждений постановления горкома. Фактически оно свелось к повторению ранее выдвинутых против И.К. Зеленского обвинений, при этом ни один из других фигурантов постановления своей вины публично признавать не стал. Увы, но директор вновь совершил очередной эмоциональный выпад, заявив на общем собрании: «Постановление горкома правильное, но я не зажимал самокритики. Меня оклеветали в газете, я пошел реабилитироваться… меня дискредетируют (так в документе – М.Б.), пишут все время в газете, никто не опровергает»[35]. После этого присутствовавшие на собрании представители горкома и обкома (тот самый А.А. Маегов) выступили с критикой И.К. Зеленского.

---

[30] Стоит отметить, что Кунгурцев, как то явствует из текстов протоколов, во-первых, был студентом, во-вторых, участвовал в заседаниях парткома, в-третьих, являлся одним из самых яростных критиков И.К. Зеленского.

[31] ОГАЧО. Ф. П-208.оп. 1. Д. 3. Л. 11-13.

[32] Там же. Л. 14.

[33] ОГАЧО. Ф. П-92 «Челябинский городской комитет КПСС». Оп. 1. Д. 286. Л. 163-164.

[34] Авторами записок были глава парткома Потапова и заведующий учебной частью вуза П.М. Бобровский, см.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 659. Л. 7-11об, 14-17об.

[35] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

Ситуацией заинтересовались в обкоме ВКП(б). 14 июня 1936 г. была официально утверждена комиссия по обследованию вуза. В состав ее вошли: заведующий учебной частью Магнитогорского педагогического института Самохин, заместитель заведующего отделом школ и науки Челябинского обкома Буквин, заместитель заведующего отдела партийной пропаганды обкома Резвушкин, представитель Кировского райкома Мякутин, заместитель заведующего Челябинского облоно Караковский и секретарь обкома ВЛКСМ Суровцев[36]. Однако из семи человек лишь Самохин действительно посетил вуз и написал по результатам своего обследования докладную записку[37]. В ней обрисовано весьма плачевное материально-бытовое положение дел в ЧГПИ: из 24 преподавателей лишь два имеют официально утвержденные звания доцента, большинство же «по своей квалификации могут работать только в средней школе или техникуме»; отмечаются «грязные, засоренные комнаты», «грязные столы, плевки и сор в коридоре»[38]; слабая дисциплина и нарушения при учете посещаемости лекций как студентов, так и преподавателей… Однако в этой записке не хватало того, что очень ждали увидеть недоброжелатели И.К. Зеленского – идеологических выпалов и обвинений. Самохин подошел к делу как профессионал, что само по себе немаловажно для того времени.

Отдел школ и науки оказался недоволен подготовленным документом[39] и предложил вновь собрать комиссию, но уже без участия Самохина[40]. Доклад был заслушан на заседании бюро обкома 7 июля 1936 г.[41], решение выглядело следующим образом: «1. Считать, что комиссия своей задачи не выполнила. 2. Предложить комиссии продолжить свою работу и совместно с т. Маеговым и Зеленским разработать к следующему заседанию бюро Обкома практические мероприятия по работе института…»[42]. Однако на этом все и завершилось – вопрос фактически оказался замят.

После этого в ЧГПИ вновь наступает временное затишье. 14 августа 1936 г. оно было нарушено уже упоминавшейся выше заметкой в «Челябинском рабочем», в которой И.К. Зеленского обвиняли в покрытии врагов народа, на этот раз из студенческой среды[43]. Политическая обстановка в стране к тому времени вновь начала накаляться. Буквально за день до того, 13 августа, на партсобрании ЧГПИ разбиралась передовица «Правды» «Уметь распознать классового врага»[44]. На это раз дело приняло серьезный оборот: 22 августа, на общем собрании первичной партийной организации, было принято решение об исключении И.К. Зеленского из рядов партии. Характерно, что на нем в первый и последний раз директора попытались обвинить в наличии «троцкистских» высказываний. И.К. Зеленский с легкостью отвел обвинения, показав, что приписываемые ему фразы были старательно выдраны из общего контекста выступления. Однако никто уже не намеревался слушать его оправдания[45].

Парторганизация не имела права снять И.К. Зеленского с поста директора, это решение должно было быть принято в обкоме ВКП(б). Обком же предпочел не торопиться

---

[36] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 496. Л. 13.

[37] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 659. Л. 31-36.

[38] Там же. Л. 31, 33.

[39] «Он (Самохин – М.Б.) обследовал его (ЧГПИ – М.Б.) односторонне, формально, с точки зрения постановки преподавания вообще, без политики, хотя он, как член партии обязан был подойти к обследованию пединститута политически» (Там же. Л. 36).

[40] Там же. Л. 18.

[41] Текст доклада каким-либо обстоятельным правкам подвергнут не был. См.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 490. Л. 201-209.

[42] Там же. Л. 38.

[43] Львов С. Политическая близорукость // Челябинский рабочий. 1936. 14 августа. С. 3.

[44] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 63-64.

[45] Там же. Л. 66-76.

с действиями. Воспользовавшись моментом, И.К. Зеленский 1 сентября 1936 г. подписывает приказ об увольнении И.А. Бурмистенко. Отменить это решение партком не мог и сторонникам последнего оставалось лишь обратиться за помощью в отдел школ и науки[46]. В качестве ответного действия партком собирает заседание для обсуждения вопроса о бедственном материально-бытовом положении студентов (в числе претензий, предъявляемых к руководству, например, прозвучало недовольство отменами стипендий для неуспевающих студентов). И.К. Зеленский совершает самый экстравагантный свой поступок – он демонстративно покидает заседание[47].

В октябре 1936 г. вновь происходит неожиданный поворот: И.К. Зеленский был восстановлен в партии решением Кировского райкома ВКП(б), которому непосредственно подчинялась первичная партийная организация института[48]. Однако поддержку – от отдела школ и науки обкома – получил и его противник И.А. Бурмистенко, которого не только вернули на работу, но и распорядились поставить со главе кафедры социально-гуманитарных дисциплин[49]. И.К. Зеленский весьма эмоционально пообещал обжаловать это решение в ЦК ВКП(б). Конечно же, это так и осталось словами. Однако крупная победа была одержана им 14 декабря – Потапову сняли с должности секретаря парткома[50]. В начале 1937 г. прошли и перевыборы парткома, его состав сменился. Впрочем, в нашем распоряжении слишком мало данных для выводов о том, насколько новый состав был лоялен (на момент выборов) по отношению к И.К. Зеленскому.

До марта 1937 г. вновь наступает затишье. И.А. Бурмистенко, оказавшись в роли заведующего кафедры, показал себя не лучшим управленцем, удостоившись нескольких жалоб от своих подчиненных. Во многом это было следствием его стремления к совместительству – в общей сложности у него было четыре места работы. На одном из заседаний Ученого совета ЧГПИ И.К. Зеленский подверг его работу критике[51]. Не менее важно и другое событие – 3 марта 1937 г. И.В. Сталин, выступая на пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» открыто призвал к массовым чисткам партии[52]. Импульс «сверху» и импульс «снизу» удачно совпали.

16 марта 1937 г. в «Челябинском рабочем» выходит статья И.А. Бурмистенко «За широкой спиной директора»[53]. Обвинения в ней не новы: И.К. Зеленскому вменялась защита «врагов народа» - И.В. Новака (уже неоднократно упоминавшегося прежде), Д.Е. Хайтуна и В.М. Нефедова. Почти одновременно с ней в стенгазете института «Педагог» появилась заметка «Развенчать зажим самокритик», автором которой была одна из

---

[46] Ф. П-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 32-32об. Стоит отметить, что уже как минимум со второй половины июня 1936 г. И.К. Зеленский пытался дать отпор претензиям И.А. Бурмистенко на заведование кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, в частности, обращался в обком с просьбой прислать на эту должность имевшего научную степень инспектора отдела пропаганды Челябинского обкома ВКП(б) Большова (см.: Ф. П-288. Оп. 1. Д. 659. Л. 9).

[47] ОГАЧО. Ф-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 35-35об.

[48] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 85-85об.

[49] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

[50] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 90-91.

[51] Протокол заседания Ученого совета, к сожалению, не сохранился, но о факте такового упоминалось впоследствии на заседаниях партийной организации, см.: ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 6. Л. 31, 33.

[52] Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3-5 марта 1937 г. М.: Политиздат, 1937. 144 с.

[53] Бурмистенко И.А. За широкой спиной директора // Челябинский рабочий. 1937. 16 марта. С. 3.

студенток вуза. Увы, экземпляр данной стенгазеты нам обнаружить не удалось, однако название материала говорит само за себя.

21, 23, 31 марта, 5 и 8 апреля 1937 г. на заседаниях парткома и общих собраниях парторганизации вновь звучали обвинения в адрес И.К. Зеленского[54]. Перечислять их не имеет смысла – все они однотипны, менялись лишь фамилии и детали, суть их оставалась прежней. Однако на этот раз добавилась новая, существенная деталь – вместе с директором в фокусе критики оказался и сам И.А. Бурмистенко. Вместе с «зажимом самокритики» прозвучал и термин «склока», открыто звучали заявления о том, что заведующий кафедры не справляется со своими обязанностями, и более того – во всеуслышание было сказано, что его, как злостного неплательщика алиментов, разыскивает милиция. 8 апреля он уже сам был вынужден каяться в своих проступках[55].

Своего рода «моментом истины» стало заседание парткома от 22 апреля 1937 г., на котором обсуждалось два вопроса. Во-первых, прозвучало постановление Ленинского райкома ВКП(б) о вышеуказанной статье из «Челябинского рабочего». Увы, текст его не был приложен к протоколу, а оригинал нам обнаружить не удалось. Но косвенно мы можем судить о его содержании благодаря второму вопросу повестки дня – партком разбирал заявление И.А. Бурмистенко о якобы организованной против него травле. «Пострадавший» выдвинул шесть обвинений: во-первых, ему не предоставили обещанной в сентября прошлого года квартиры; во-вторых, объявили выговор с предупреждением; в-третьих, без его согласия произвели стенографирование одной из его лекций; в-четвертых, не предоставили столь желанной научной командировки; в-пятых, назначили низкую заработную плату; в-шестых, желая затормозить его научную деятельность (подготовку диссертации), назначили против его воли (sic-!) исполняющим обязанности декана. Партком фактически не оставил камня на камне от этих заявлений. Как выяснилось, от предоставленной ему квартиры И.А. Бурмистенко отказался сам, рассчитывая что ему, как сотруднику истпарта, обком выделит другое, более комфортное (в центре города) жилье; выговор он получил за срывы занятий, которые «имели место, что он сам не отрицает»; директор имел полное право произвести стенографирование его лекций; кроме того, ему «выделяется… персональная ставка (несмотря на неутверждение ее наркомом просвещения», а «просьбу об освобождении от деканата» сочли «неуместной» и постановили ее «отклонить». И.К. Зеленскому лишь попеняли за отказ в оформлении командировки, но при этом отметили, что получить таковую преподаватель мог и «по линии истпарта». В заключительной части постановления парткома значилось: «Предупредить т.т. Бурмистенко и Зеленского о недопустимости в дальнейшем между ними каких-либо трений и склок» [56].

С этого момента травля И.К. Зеленского фактически была прекращена. Директор мог праздновать свою победу. В августе 1937 г. имя И.А. Бурмистенко исчезает из протоколов парторганизации – и это не простая случайность. В его личном партийной деле есть указание, что в 1937 г. он был переведен на работу в Москву[57]. Увы, точной даты перевода в нем не стоит. Вероятно, его «исчезновение» было связано именно с этим переводом.

Однако и это затишье было обманчиво. 11 октября 1937 г. инспектор отдела школ и науки обкома ВКП(б) С.З. Калинник составил докладную записку секретарям Челябинского обкома ВКП(б) К.В. Рындину и Р.М. Хитарову с очередным «компроматом» на И.К. Зеленского и требованием проверить его «политическое лицо»[58].

---

[54] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 6. Л. 32-24об, 39-55об, Д. 7. Л. 12-13об.
[55] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 6. Л. 48-48об.
[56] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 7. Л. 23об.
[57] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 861. Л. 1.
[58] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 198. Л. 42-46.

По злой иронии судьбы главный адресат этого письма – К.В. Рындин – был арестован на следующий день после его составления.

Именно арест первого секретаря Челябинского обкома К.В. Рындина стал прологом к гибели И.К. Зеленского. В последовавшей вслед за его падением волне арестов в течение нескольких дней сгинули три человека, с которыми у И.К. Зеленского установились самые непосредственные, дружеские связи: некий Шкляр (к сожалению, никаких биографических сведений об этом человеке разыскать не удалось), секретарь Тракторозаводского районного комитета ВКП(б) А.М. Кричевский и заведующий отделом культурно-просветительной работы Челябинского обкома Д.И. Биренбаум. Последнего И.К. Зеленский рекомендовал в своем выступлении на городской партконференции ввести в состав городского комитета[59]. Еще более тесные взаимоотношения связывали его с А.М. Кричевского, на квартире которого он долгое время проживал, пока ему не предоставили собственного жилья. Вместе с ним он «участвовал на совместных вечеринках с врагами народа», а именно – с… Ф.П. Гагариным, секретарем Кировского райкома ВКП(б), которому подчинялась первичная партячейка вуза[60]. Документально установить связи между этими людьми не составляло труда – в своей автобиографии Д.И. Биренбаум указал А.М. Кричевского и И.К. Зеленского как лиц, которые могли бы подтвердить приводимые в ней факты, И.К. Зеленский в качестве своих «поручителей» так же назвал Д.И. Биренбаума и А.М. Кричевского. Всех троих связывала совместная работа в партийных и комсомольских организациях в Средней Азии, а с Д.И. Биренбаумом И.К. Зеленский даже учился в одной школе[61].

16 октября 1937 г. общее собрание парторганизации ЧГПИ вновь исключило И.К. Зеленского из партии – уже навсегда. Что характерно, 7 человек из 25 осмелилось проголосовать против, а некий Гайдуков даже предложил ограничиться выводом его из состава парткома (при условии, впрочем, дальнейшей проверки его связей с «врагами народа»)[62].

1 ноября 1937 г. бюро Челябинского обкома ВКП(б) постановило: «Снять Зеленского с работы директора пединститута, исключенного из первичной парторганизации из рядов ВКП(б) за связь с врагами народа, отсутствие борьбы за очищение пединститута от классово-чуждых элементов, зажим самокритики и плохое руководство работой института»[63].

Дальнейшая его судьба была предсказуема. И.К. Зеленского арестовали 14 декабря 1937 г. О ходе процесса уже неоднократно писал А.Л. Худобородов [см. напр.: Худобродов:2003]. Бывшего директора обвинили в принадлежности к «рындинской артели», дезорганизации учебно-методической работы вуза и укрывательстве «раскрытой» НКВД студенческой организации «Союз идейной молодежи». Фактически следователи просто пошли по уже проторенному парторганизацией пути, оставалось лишь найти новые доказательства для старых обвинений. 25 июня 1938 г. И.К. Зеленский был расстрелян.

Итак, от описания событий попробуем перейти к анализу произошедшего, установлению социальных механизмов, задействованных в травле.

---

[59] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 7. Л. 55.

[60] Личное партийное дело Федора Павловича Гагарина см.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 67. Д. 10. Л. 1-32.

[61] См.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 757. Л. 8; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 67. Д. 2025. Л. 8об.

[62] ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 6. Л. 105.

[63] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 78. Л. 2.

Как правило, конфликты в научной среде чаще всего описываются посредством обращения к концепции «поля науки» П. Бурдье[64]. В рамках такого подхода травля И.К. Зеленского могла бы рассматриваться как пример конфликт доминируемых с доминирующими либо как борьба между двумя группировками доминирующих за перераспределение научного капитала. Однако и та, и другая версия не могут быть приняты с качестве отправных точек размышлений, так как ни один из участников конфликта не обладал символическим («чистым») научным капиталом. Предъявить значимые опубликованные научные работы участники конфликта не могли (И.А. Бурмистенко в свое автобиографии указал, что он является автором двух статей в неких философских справочниках, однако, что характерно, выходных данных публикаций он не приводит, И.К. Зеленский опубликованных работ вообще не имел), не было у них и научных степеней. Следует отметить, что научная деятельность ЧГПИ в 1930-е гг. вообще находилась в зачаточном состоянии [см., напр.: Базанов:2015]. Для попадания в число доминирующих, «научного истеблишмента», конечно же, было необходимо обладать хотя бы какой-то долей символического научного капитала.

Полагаем, в этом обстоятельстве и заключается ключ к пониманию того ожесточения, с которым сражались друг с другом участники конфликта. Научная среда ЧГПИ была на тот момент гомогенна, в ней не была выстроена своя иерархия со слоем легитимных, то есть признаваемых всеми, лидеров. Вуз существовал слишком мало времени (он был основан в 1934 г., то есть всего лишь за два-три года до описываемых событий). Чтобы таковая могла оформиться. Тормозили ее создание текучесть кадров и совместительство. Фактически иерархия в их среде задавалась управленческой иерархией самого вуза. Однако факт получения должности еще не делал ее обладателя признанным авторитетом в своей среде. Развернувшаяся одновременно с террором кампания критик и самокритики окончательно разрушила подобный «авторитет должности» в системе управления.

Для того, чтобы придать себе легитимность в глазах окружающих, надо было на деле продемонстрировать свои управленческие таланты, успешно справиться с проблемами, которые стояли перед вверенной управленцу организацией. Увы, И.К. Зеленский сделать этого не смог, а его попытки в спорах аппелировать к занимаемой им должности как источнику авторитета лишь подорвали доверие к нему коллег. Несмотря на то, что этот вопрос не слишком часто обсуждался на заседаниях парторганизации, полагаем, что самой главной претензией к нему были все же проблемы с жильем. Они будут потом еще долгие годы преследовать преподавателей вуза, значительная (и наиболее квалифицированная) часть которых были приезжими, направленными в Челябинск по распределению Наркомпроса. Вряд ли возможно на настоящий момент дать ответ на вопрос о том, мог ли директор справиться с ними или же они были вызваны объективными, сложившимися помимо его воли обстоятельствами.

---

[64] Согласно П.Бурдье, главной характерной чертой существования «поля науки» является непрерывная борьба за «научный капитал» (способность убеждать окружающих в своей правоте, «навязать свое определение науки», например «определение поля проблем, методов и теорий, которые могут считаться научными»). Сам «научный капитал» разделяется на символический (авторитет и признание) и институциональный (контроль над социальными ресурсами поля). По П. Бурдье существуют две основных стратегии накопления «научного капитала» для «доминируемых» (лишенных основных рычагов управления полем науки): «стратегия преемственности» и «стратегия подрыва». В чистом виде, конечно же, ни одна из них не существует, представляя собой абстракцию. Накопив большой объем «научного капитала», ученый превращается в «доминирующего» (способного навязывать другим свои представления о науке), единственно возможной стратегией для которого является сохранение накопленного уровня капитала. [См.: Бурдье:2001; Бурдье:2007]

Так же не представляется возможным и высказать предположение о том, насколько далеко простирались амбиции И.А. Бурмистенко, но на момент начала конфликта он еще представлял для коллег «темную лошадку», а потому мог восприниматься в качестве своего рода альтернативы существующему руководству. Однако как только И.А. Бурмистенко стал заведующим кафедры, стало ясно, что необходимыми управленческими навыками он не обладает. Вероятно, отказ от замещения обязанностей декана исторического факультета окончательно подорвал его репутацию. Поэтому он получил столь активную поддержку во время своей первой кампании против директора (апрель-октябрь 1936 г.) и фактически провалил вторую (март-апрель 1937 г.).

Советское общество пронизывали клановые связи, и ситуация, когда партийный или государственный чиновник брал под свою опеку того или иного ученого, в свою очередь опекавшего собственных коллег и учеников, была весьма распространена [См.: Тихонов:2014]. Для И.К. Зеленского такого рода защитниками были А.М. Кричевский и Д.И. Биренбаум, в свою очередь ходатайствовавшие за него перед Ф.П. Гагариным. Именно это и спасло И.К. Зеленского в октябре 1936 г. – равно как и погубило в октября 1937 г. В свою очередь директор сам выступил в роли патрона, защитника, ограждавшего своих коллег от политических преследований – настолько, насколько это было возможным. Маловероятно, что он успел сформировать в среде сотрудников ЧГПИ свою клановую группировку (выступления в его защиту на собраниях фактически не звучали), однако де-факто (вне зависимости от мотивов, которыми он руководствовался) его деятельность была на это направлена.

Были ли подобные связи у И.А. Бурмистенко? Имеющиеся у нас в распоряжении источник не могут дать точного ответа на этот вопрос. Однако вышеперечисленные факты позволяют предположить, что у него сложились более чем доброжелательные отношения с редакцией «Челябинского рабочего». Явно симпатизировало ему и руководство отдела школ и науки Челябинского обкома ВКП(б) во главе с А.А. Маеговым. Кроме того, стоит и отметить отдельно его умение ладить со студентами, направлять их недовольство в нужное ему русло.

Полагаем, травля И.К. Зеленского может служить одним из самых ярких свидетельств того, сколь слабо контролировали власти кампанию по выявлению «врагов народа» на местах и сколь быстро советский социум превратил ее в инструмент разрешения конфликтных ситуаций, сложившихся внутри него. Так, попытки дискредитировать (что на тот момент означало и физическое устранение человека) директора не остановило ни постановление горкома с требованием прекратить склоку, ни отмена райкомом соответствующего решения первичной партийной организации. Конечно же, это ставит вопрос о степени участия рядовых граждан, членов партии в политических репрессиях и мере их ответственности за них.

К тому же вопросу подводит избранная основным фигурантом травли стратегия поведения и ее результаты. И.К. Зеленский как минимум смог оттянуть момент увольнения коллег и отчисления студентов. Это не могло спасти их от преследования (уже упоминавшийся студент Ставский был в итоге арестован и на следствии уже давал показания против своего покровителя), но давало им определенное «пространство для маневра», само по себе смягчало наносимый по ним удар. Язык партийных собраний, насаждаемая «сверху» риторика ставила членов партии перед выбором – «сфальсифицировать свое “Я” или умереть» [Лейбович:2015, С. 165]. И.К. Зеленский фактически отказывается перейти черту, полностью отречься от себя и своих поступков, открыто стремится оправдать собствнные действия и даже выдвигает обвинения простив своих гонителей. Казалось бы, ситуация безвыходная, но он смог одержать победу в первой и второй организованной против него кампании. Увы, произошедшие после этого события (отъезд И.А. Бурмистенко, арест «участников» «рындинской группы») не позволяют судить о том, насколько могла быть успешна эта линия поведения в дальнейшем. Нам же остается лишь отдать дань мужеству этого человека, пусть и не

лишенного недостатков, нашедшего в себе силы противостоять той мрачной и бесчеловечной волне террора, которая захлестнула в те годы всю страну.

Список литературы и источников

1. Базанов, М. А. Научно-исследовательская деятельность Челябинского педагогического института во второй половине 1930-х годов / М. А. Базанов // Гороховские чтения: материалы шестой региональной музейной конференции. - Челябинск, 2015. - С. 593-597.
2. Байдер, В. Дарвин… это о видах! / В. Байдер, О. Уланова, А. Бологин // Челябинский рабочий. - 1936. - 1 апреля. - С. 3.
3. Бурдье, П. Клиническая социология поля науки / П. Бурдье // Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: СПб., 2001. С. 49–96.
4. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. - М.:СПб., 2007. – 288 с.
5. Бурмистенко, И. А. За широкой спиной директора / И. А. Бурмистенко // Челябинский рабочий. - 1937. - 16 марта. - С. 3.
6. Данилов, В. Сигналы из пединститута / В. Данилов // Челябинский рабочий. - 1936. - 21 апреля. - С. 3.
7. Зарецкий, Ю. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет / Ю. Зарецкий // Автор, биография, письмо и чтение. Сб. докладов / ред.-сост. Ю. В. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая. - М., 2013. - С. 24-41.
8. Зелдин, Т. Социальная история как история всеобъемлющая / Т. Зелдин // THESIS. - 1993. - Т. 1. Вып. 1. - С. 154-162.
9. Коньков, Д. С. Микроистория как метод верификации макроисторической концепции: возможности применения / Д. С. Коньков// Вестник ТомГУ. Сер. История. 2009. № 2(6). С. 44-46.
10. Лейбович, О. Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936-1938 годов / О. Л. Лейбович // Вестник Пермского университета. Сер. История. - 2015. - Вып 3(30). - С. 160-168.
11. Львов, С. Политическая близорукость / С. Львов // Челябинский рабочий. - 1936. - 14 августа. - С. 3.
12. Минц, М. М. Новая зарубежная литература по истории сталинских репрессий (реферативный обзор) / М. М. Минц // История России в современной зарубежной науке: Сборник обзоров и рефератов / отв. ред. О. В. Большакова. - М., 2011. - Ч. 3. - С. 65—88.
13. Минц, М. М. Новая отечественная литература по истории сталинских репрессий (реферативный обзор) / М. М. Минц // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 5. История. - 2011. - № 4. - С. 114–130.
14. Сталин, И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3-5 марта 1937 г. / И. В. Сталин. - М.: Политиздат, 1937. - 144 с.
15. Степанов, М. Г. Российская историография "большого террора" в СССР (1937-1938 гг.) / М. Г. Степанов. - Абакан, 2008.
16. Степанов, М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928-1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии / М. Г. Степанов. - Абакан, 2009.
17. Тихонов, В. В. Историки и советская власть в 1920–1940-е гг.: патроны и клиенты / В. В. Тихонов // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». - 2014. - № 19(141). - С. 193-204.

18. Худобородов, А. Л. И. К. Зеленский / А. Л. Худобородов // Очерки о ректорах Челябинского государственного педагогического университета / под ред. В.В. Латюшина, В.Г. Швеммера. - Челябинск, 2004. - С. 21-28.

19. Худобородов, А. Л. Как это было: о трагической судьбе директора Челябинского государственного педагогического института И.К. Зеленского в 1930-е годы / А. Л. Худобородв // Южный Урал (к 70-летию Челябинской области): Материалы научно-практической конференции / гл. ред. Н. М. Рязанов. - Челябинск, 2003. - С. 168-170.

20. Худобородов, А. Л. Ректоры ЧГПИ / А. Л. Худобородов // Музейный вестник Челябинского государственного педагогического университета. - 2015. - Вып. 37. - С. 48-49.

21. Челябинский государственный педагогический университет / под. ред. В.Ф. Аменда. - Челябинск, 1999. – 191 с.